

И.П. Медведев
HONOR SEPULCRI
(размышления А.А. Васильева у могилы В.Г. Васильевского)

В фонде известного отечественного антиковеда академика С.А. Жебелева (1867–1941), хранящемся в С.-Петербургском филиале Архива РАН (ф. 729), содержится обширная подборка писем А.А. Васильева (1867–1953), адресованных С.А. Жебелеву, с которым, как оказывается, А.А. Васильева связывали узы тесной и многолетней дружбы (оп. 2, д. 18). Богатые содержанием, окрашенные своеобразной лирической манерой письма, свойственной артистической натуре этого выдающегося русского византиниста, письма прекрасно характеризуют его “труды и дни”, в частности в период его “зарубежья”. Среди них есть письмо о посещении А.А. Васильевым места захоронения одного из его учителей – В.Г. Васильевского (л. 210–213), замечательный человеческий документ, исполненный эмоционально-ностальгических интонаций, своеобразное “родительское воскресение”, всколыхнувшее пласты памяти, отнюдь не безынтересные и нам – “пигмеям, стоящим на плечах великанов”.

Но прежде несколько слов о болезни и смерти В.Г. Васильевского. Считается, что он скончался на пути в Италию, куда он в 1899 г. выехал на лечение¹. Это неверно, скончался он, уже находясь во Флоренции, и мы теперь знаем, отчего он умер. Среди писем В.Г. Васильевского, адресованных В.К. Ернштедту и также хранящихся в С.-Петербургском филиале Архива РАН (ф. ф. 733, оп. 2, д. 33) есть одно недатированное (л. 38–39 об.), писанное из Флоренции (Firenze, via Magenta, 15) явно незадолго до кончины под диктовку Васильевского: почерк не его, лишь в конце его дрожащей рукой (видимо, писать ему было очень трудно) сделана приписка: “Протягиваю правую академическую деснищу через Альпы и дружески целую. Васильевский”. Письмо гласит: “Переезд из Вены во Флоренцию сильно надломил мои силы и с тех пор я не могу оправиться. О Риме, куда звал меня Модестов², нельзя было и думать. Он посетил меня здесь. Возбуждает даже зависть своим ученым одушевлением и восторгами. Я же валяюсь в кровати, как пень негодный. Погода здесь целый почти месяц стояла холодная, лили дожди, дул ветер. Это одна из причин моего бедственного положения³... Посидел несколько дней в садике, совершил прогулку с Модестовым в S.Miniato. Свел знакомство с местным церковным клиром, и благодаря обширным связям Регеля⁴ с русским деловым человеком – Д.А. Гравенговым, который оказывает мне большие услуги. Он свел меня с доктором Курцем, который

¹ *Литаврин Г.Г.* Васильевский Василий Григорьевич // *Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь.* М., 1979. С. 95.

² Модестов В.И. (1839–1907), известный филолог и историк античности.

³ Следует опущенное здесь описание квартиры из пяти комнат с садиком во Флоренции.

⁴ Регель В.Э. (1857–1932).

является не шалопаем и рутинером, а мыслящим медиком. Курцы вообще удаются византинистам. Этот доктор нашел нужным сделать мне операцию – выпускания воды из правой стороны, которой вышло 1 1/2 литра. В Петребруге не узнали главной моей болезни: это был плеврит, оставивший после себя эксудат, и я носил его полгода” (следует приведенная выше собственноручная приписка).

Приводим письмо А.А.Васильева, не требующее, на наш взгляд, особых комментариев (писано на сдвоенном листочке зеленоватой бумаги с надпечаткой: Hotel Helvetia Florence):

Флоренция 10 авг. 1931.

Дорогой и хороший друг мой! Вот уже около трех дней, как я в очаровательной Флоренции, где после удушающей жары Равенны можно дышать и двигаться. Хочу поделиться несколькими моими переживаниями во Флоренции, которые, м[ожет] б[ыть], будут небезынтересны и для Вас. На другой день по приезде я по трамваю поехал за город на кладбище Allogi, где похоронен В.Г. Васильевский. На этом кладбище есть уголок, заполненный памятниками умерших во Флоренции русских. По старой памяти я быстро этот уголок нашел: увидел памятник врачу Валериану Павловичу Кондакову; нашел сразу группу памятников семьи Левицкого, настоятеля русской церкви во Флоренции; погребен сам он, его жена, дети. Самого настоятеля я знал: в 1903 г., когда я работал в Laurenziana над рукописью Агапия, я ходил иногда к Левицкому играть в винт; в 1913 г. он уже в очень преклонном возрасте служил моей сестре и мне панихиду в полугодовой день кончины нашей матери. Умер он в 1923 г. Могилы же Вас[ильевско]го я сразу не нашел; но помнил, что она должна быть по соседству. Наконец, я увидел плиту, сильно изветрившуюся, внизу даже треснувшую и смог прочесть следующее:

Hic situs est
Basilius Gregorief (?)⁵
Vassilievskius

Universitatis Petropolitanae professor emeritus
Academiae Scientiarum Rossicae Socius

Quiescat in pace.

Затем шла эпитафия по-русски с обозначением дат рождения и смерти.

На этом кладбище народу не бывает; я был один. Стояла теплая, немного облачная подчечерняя погода; кругом тишина; кипарисы все шевелились. И должен Вам сказать откровенно, что я, стоя перед этой дорогой мне плитой, произнес громко: “Я знаю, что мог бы сделать в своей области в сто раз больше, чем сделал; но могу лишь одно честно утверждать, что я не опоганил, не осквернил твоего имени”. И вспомнился мне один момент в моей жизни, который решил мое будущее. Если я Вам об этом уже когда-либо писал или говорил, простите; но мне хочется, и именно теперь, здесь, во Флоренции, еще раз этот момент пережить. Весною 1890 г. я переходил на 3-й курс университета и должен был выбирать “специальность”; почти уже решил идти к П.В. Никитину по греч[еской] словесности. Весною этого года был один из балов, даваемых профессором-турковедом, В.Д. Смирновым, у которого было три дочери, и их надо было показывать. На этом балу были представители вост[очного] факультета, бар[он] Розен, супруги Жуковские и т.д. Увидя меня, Розен, у которого я уже два года занимался перед тем арабским языком, спросил меня о моих дальнейших намерениях. Я ему сказал о моих греческих перспективах. Тогда он мне посоветовал от его имени пойти к Васильевскому, которого я никогда не видал, и поговорить с ним, указав ему, что у меня есть не только греч[еский], но и арабский язык. И вот в ближайшую пятницу (у В.Г. были пятницы) я пошел куда-то

⁵ Знак вопроса принадлежит А.А. Васильеву.

далеко на Вас[ильевский] остров, где жил Вас[ильевск]ий. Выслушав меня, он встретил меня сочувственно и посоветовал летом почитать Гиббона. Это была первая книга, связанная с Византией, которую я когда-либо читал. И вот летом, в Мариенбаде, на этом пепелище моей первой любви (об этом пусть Вам прочтет сестра, если Вас эта романтика, но романтика чистейшей воды, интересует) я стал читать Гиббона. Все это пронеслось в моей голове, когда я стоял над могильной плитой В.Г. И какой пиетет, какую благодарность чувствовал я в эти моменты Васильевскому и Розену, которые сделали мою жизнь! А случай, дорогой друг, разве не играет великую роль в нашей жизни!? Не будь бала у Смирнова, я, почти наверняка, никогда бы не был византинистом. Для Византиноведения, м[ожет] б[ыть], это было бы и лучше; но для меня... не знаю!

Если мне не изменяет память, Модестов также умер во Флоренции, и в прошлые годы я, кажется, его памятник видел. Но теперь найти не мог. Да, м[ожет] б[ыть], в этом случае мне просто изменила память.

Не символ ли это, что я этим летом делаю пелеринаж к моему далекому прошлому, к дорогому, светлому и, увы! невозвратному прошлому? Конечно, больше в своей жизни я не увижу ни Мариенбада, ни кладбища Allori у Флоренции.

Вы знаете, когда вчера я провел около часа в Соборе Maria del Fiore, то на этот раз я вспомнил не только Флорентийскую унию, оглашенную там в присутствии визант[ийского] императора, и т.д., а также и сцену из тургеневского “Довольно” в Соборе. Смотрел я на высокие “кверху разветвленные столбы”, на “потертые плиты” пола, вбирая могучие волны органа⁶. Прочтите эту сцену. Стбит! А ведь и мы были с Вами вместе во Флоренции! Стояла зимняя промозглая погода. Ну, заболтался. Напишите в Napoli. American Express. Co. Piazza dei Martiri, 58. A.Vasiliev. Привет сестре. Душевно Ваш А. Васильев.

⁶ См.: Тургенев И С Сочинения. М., 1981. Т. 7. С. 224.